

Олег ГУБАРЬ

КАКАЯ ИЗ ОДЕССКИХ ПУШЕК САМАЯ ЗНАМЕНИТАЯ?

Первое, что приходит на ум, — та самая пушка с парохода-фрегата "Тигр", что еще в 1904 году в ознаменовании 50-летия бомбардирования Одессы союзным флотом водружена на постамент близ думского здания. Орудие это всегда на виду, его не обходит стороной ни одна экскурсия. Да и сам второстепенный, в общем-то, эпизод Крымской кампании у нас возведен в событие чуть ли не эпохальное. Хотя на самом деле тогда, в далеком апреле 1854-го, никто всерьез не собирался атаковать, а тем более завоевывать Южную Пальмиру. Ловкий маневр англо-французского флота был именно что отвлекающим, маскирующим истинные намерения и направление главного удара неприятеля, нацеленного на Тавриду, и он вполне удался.

Хотя союзники и сделали все возможное, чтобы привести захваченный россиянами трофей в полную неисправность, — как известно, они интенсивно обстреляли северный на подводной каменной гряде "Тигр", — тем не менее, вскоре с него удалось поднять около двух десятков вполне исправных орудий. "Две бомбические пушки "Тигра", — свидетельствует современник, — перетаскивали на батарею, которую построил на свой счет Джиджи (Осип) Мокко (...) в конце Канатной улицы". Этот итальянец был лодочником: перевозил пассажиров с судов на берег, оказывал помощь терпящим бедствие на море, как бы служил палиативом спасательной станции. Одна из английских пушек в ходе апробирования разорвалась, а другая долго оставалась в пределах "частной батареи". Прошли годы, об этом орудии вспомнили, разыскали, отреставрировали и установили на бульваре. Мало того, водолазы снова обследовали место гибели "Тигра" и подняли со дна несколько подходящих для экспонирования ядер.

Правда, эта бульварная пушка и затопленный "Тигр" снова привлекли к себе внимание в "смутное время". Вероятно, по той причине, что в городе тогда объявился союзный флот. В это самое время, в 1919-м, бытописатель А.М. де Рибас, внучатый племянник знаменитого адмирала, опубликовал в местной газете статью "Англичане в Одессе", напоминающую современникам старую историю о взятии "Тигра", пребывании его команды в городе, невероятном радушии, оказанном одесситами пленным противникам. Текст этот завершается поистине курьезным пассажем: "Право, было бы своевременным, чтобы наш город устроил подобающее чествование гостям у нас сейчас английским морякам, и желательно, чтобы это чествование произошло возле той самой английской пушки... Полагаю, что в конце торжества историческая пушка должна быть предложена городом в дар англичанам как реликвия флота". Однако общественное благоразумие, судя по всему, восторжествовало, и мы с вами не лишились военного трофея и раритета.

Этим, однако, сюжет 1919 года не исчерпывается. Осенью того же года состоялась очередная попытка поднять паровые машины с затонувшего "Тигра". Как сообщается в "Одесском листке", была создана даже некая судоподъемная компания. Привлечены очаковские рыбаки, баржа и шаланды. Толстый слой ила сильно препятствовал водолазам работам. С немалым трудом все же были подняты снаряды, ядра и некоторые железные части, "сложенные на берегу дачи Трандафилова". Предпринимателям было не до реликвий, и весь добытый металл пошел в переплавку. Здесь же упоминается о прежних безрезультатных попытках, последняя из которых состоялась 10-12 лет тому назад, то есть в 1907-1909 годах. Напоминаю, что первую попытку поднять "Тигр" предпринял известный когда-то подрядчик К.И. Потапов, в свое время занимавшийся очисткой одесской гавани и извлекавший с морского дна порядка 200 потерянных там в разное время якорей, построивший эллинг на Платоновском молу и открывший лучшее заведение теплых морских ванн у подножия Бульварной (Потемкинской) лестницы.

Другие мемориальные одесские пушки много лет служили в порту причальными тумбами. О них тоже ходили разного рода легенды и предания старины глубокой, наподобие того, что их будто бы использовали буквально в ходе штурма крепости Ени-Дунья при Хаджибее. Реально же пушки эти доставлены из Севастополя в середине 1830-х по просьбе города: тогда после мощного шторма причалы порта получили значительные повреждения, а когда их восстанавливали, потребовались "палы для швартовки судов". В Крымскую войну этих "ветеранов" сняли с мотов, дабы усилить мощь береговых батарей, что можно расценивать как курьез, а затем вернули назад.

Однажды эти "причальные тумбы" спасли жизнь нескольким горожанам, занимавшимся рыбной ловлей на оконечности Карантинного мола. Поздней осенью 1876 года разразилась катастрофическая буря, сопровождавшаяся мокрым снегом. Рыбаки даже не могли встать на ноги, ибо их сбивало ветром, и могло опрокинуть в море. Тогда они как-то ухитрились привязать себя снастями к старым орудиям и, обле-

деневшие, сидели всю ночь, уцепившись за стволы. Несчастных обнаружили только утром, и все для них закончилось благополучно.

Но наиболее, пожалуй, известный "пушечный сюжет" местного значения носит не столько героический, сколько анекдотический характер, и удостоился даже описания в опубликованном "Современником" романе "Полицеймейстер Бунбичков". Историю эту читающей публике в свое время поведал литератор М.Б. Чистяков, посетивший Одессу в конце 1850-х, в книге "Из поездок по России". "На бульваре, — пишет он, — ежедневно в полдень стреляют из пушки, чтобы весь город мог в точности знать 12 часов; пушку ежедневно привозят на место и после выстрела опять увозят до следующего дня; прежде, бывало, она постоянно стояла на месте, но прониравшие евреи нашли, что из пушки можно понаделать кастрюль и тому подобных очень полезных в хозяйстве вещей, однажды взвалили ее на телегу и повезли; но казацкие лошади оказались проворнее волгов; воров настигли, пушку отняли, а виновных наказали".

Из чего российский воякер заключил, что похитителями были именно евреи, неизвестно. Судя по ряду других радикальных пассажей в том же тексте, Чистякову ничего другого просто не могло прийти в его шовинистическую голову. Неясно также, отчего он решил, будто воров нагнали и наказали, а пушку отняли.

Куда больше достоин доверия видный одесский думец Иосиф Чижевич, современник озабоченных событий. "На бульваре, у подножия памятника Дюка де Ришелье, — свидетельствует он, — стояла медная сигнальная пушка. В одно прекрасное утро пушка оказалась уворованной. Несмотря на все старания полиции, пушка не была разыскана. Впоследствии узнали, что пушку распилили на куски и медь употребили в дело. Полиция и градоначальник были в отчаянии от этого скандала". А далее эпизод принимает поистине комический оттенок. Чижевич рассказывает, что некий содержащийся в одесском тюремном замке мазурик вызвался указать лично градоначальнику А.И. Казначееву свидетеля преступления, запросив при этом пять рублей наградных. "Казначеев согласился, — продолжает мемуарист, — и приказал полицеймейстеру отправиться вместе с арестантом туда, куда тот укажет. Арестант привел полицию на бульвар, и как на свидетеля указал на Дюка де Ришелье, у ног коего стояла пушка. Казначеев сначала очень разгневался, но потом расхохотался и выдал остроумному арестанту обещанные пять рублей". В другом первоисточнике упоминается о том, что в конце концов "удалось обнаружить лишь распиленные части пушки".

А как датируются описанные события? Полуценные выстрелы производились в Одессе (в других городах ничего подобного не было) по окончании турецкой кампании 1828-1829 годов. Для этой цели граф М.С. Воронцов с высочайшего соизволения оставил одну пушку, взятую как военной трофей. А тайный советник Казначеев состоял градоначальником с декабря 1848 года по начало 1854-го. Следовательно, похищение пушки произошло где-то перед Крымской войной. Однако некоторые источники фиксируют тот факт, что таких сигнальных пушек было несколько, да и эпизод похищения, оказывается, отмечен не один.

Так, известный в свое время писатель-одесит Болеслав Маркевич повествует даже историю имитации похищения пушки светским шалопаем И.З. Посниковым, внуком "известного сановника Александровских времен Архарова". "Характера он (Посников. — О. Г.) был милейшего, ребячески добродушного, что имело какой-то особенно комический оттенок при его огромном росте и богатырском сложении... Воли никакой и пьяница жесточайший". По словам Маркевича, родственники спровадили его на перевоспитание к Воронцову, который принял Посникова с большим радушием. А тот тут же сошелся с вертопрахами из местного бомонда и принялся куролесить.

В то время как Посников ближе к обеду неохотно занимался канцелярскими делами, на бульваре ухала пушка, отчего, по его собственным словам, "в эту самую минуту барабанички у меня в желудке начнут нещадно тревогу бить, есть-пить захочется смерть". И возымел он к этой пушке ненависть лютую, погубить ее, шельму, решил. Пушка эта, будто собака, сидела на цепи, привязанной к колу. Верзила Посников выдернул из земли кол, ухватился за эту цепь и потащил пушечку на двух ее колесах вдоль бульвара, в довольно-таки неухоженный садик при бирже и замаскировал в колочке кустарнике. Назавтра, едва сдерживая ухмылку, он узнал о похищении из уст самого полицеймейстера А.А. Шостака, какой-то приобщил Посникова к следственным действиям по отысканию ценного военного трофея. Вдоволь насладившись результатом своей проделки, шалопаю дна через два собственноручно поставил пушку на место, но "только жерлом не к

морю, а прямо направив его на лик бронзового Дюка: берегись, мол, неравно выпалю!"

После очередного (?) похищения полуценных выстрелов довольно долго не производилось. "По-видимому, — пишет автор одного из старых путеводителей, — жители очень соскучились по пушке в начале 1880-х годов, город возбудил вопрос о приобретении пушки, о чем даже велись переговоры с керченской крепостью". Уточняя это свидетельство, можно заметить, что дата совпадает со временем окончания очередной русско-турецкой войны и, разумеется, явлением очередных трофейных орудий. Как раз тогда временным военным губернатором в Одессе был генерал от кавалерии И.В. Гурко, один из замечательных полководцев этой войны. Авторитет боевого генерала и решил дело: 30 июля 1882 года в соответствии с высочайшим соизволением городу было передано медное девятифунтовое орудие — из числа отбитых у турков самим Гурко. А далее пушку уже только вывозили для полуценных выстрелов, а в остальное время она помещалась под надежной охраной.

В конце 1880-х зафиксирован эпизод, который можно типизировать как археологический. На задворках Городской больницы в ходе земляных работ под замощение, по достоверной информации местной газеты, были "найжены три куса, составляющие вместе продольную половину большого калибра крепостной пушки; по некоторым признакам эту пушку определенно относят к очень давнему времени". Историки задумались тогда, не имеет ли оно старинное орудие какое-либо касательство к предшественникам Одессы. Могу прибавить, что и в самом деле имеются основания предполагать наличие именно на этом месте некоего укрепления, относящегося к эпохе, не исключено, даже польско-литовского Качибей. Так, во время строительства самой больницы в начале XIX столетия использовались значительных размеров блоки добытого здесь же известняка — похоже, от разборки какого-то предшествовавшего оборонительного сооружения.

Вы думаете, это все пушечные сюжеты? Нет. Самый вкусный, свежий, с пылу с жару, и прибрег напоследок. Буквально пару месяцев назад производитель земляных работ на проспекте Шевченко, близости от Дворца спорта, люди бивальные, но и те были несказанно удивлены необычной находкой. Григорий Анатольевич Кучинский, бульдозерист с 20-летним стажем, подцепил на глубине 2,5 метров небольшую чугунную корабельную пушечку, изготовленную не позднее начала XIX столетия. Здесь уместно сказать несколько слов, связанных с историей отливки орудий и, следовательно, их датировкой.

В XIX столетии на вооружении российской армии имелись лишь чугунные и бронзовые пушки. К середине века бронзовые гладкоствольные орудия при 50-процентном попадании стреляли картечью и ядрами на дистанции не более 300-400 сажень. Крепостная и осадная артиллерия применяла 18-, 24- и 36-фунтовые чугунные пушки, стрелявшие чугунными же сферическими снарядами лишь на 350 сажень. Первая попытка отливки стальной пушки была предпринята видным российским металлургом П.П. Аносовым в 1836 году, но правительственной поддержки он тогда не получил. Его дело продолжил в Германии небезызвестный Крупп, отливший свою первую трехфунтовую стальную пушку в 1847-м. В 1851-м, на Лондонской выставке, он продемонстрировал уже шестифунтовое орудие, а в 1854-м изготовил и 12-фунтовое. Первые русские стальные пушки П.М. Обухова испытаны лишь в 1860-1861 годах.

Найденная в котловане чугунная пушечка — типологическое орудие, использовавшееся на флоте в первые десятилетия позапрошлого века. При осмотре стало очевидным, что в прежние времена она была примерно наполовину врыта в землю или смонтирована в цемент, то есть использовалась в декоративных целях. Самое занятное, что в жерле ствола оказалась специально заложённая туда старинная винная бутылка зеленого стекла с длинной "шеей", то есть те, кто эту пушку устанавливал, совершили некий ритуал возлияния. И в этой истории нет ничего необычного: пушки жаловали не только городам, но и военным героям. Общеизвестно, например, что две пушки были пожалованы заслуженному солдату графу А.Ф. Ланжерону и смонтированы по обе стороны ворот его дома. И кстати о возлиянии, Константин Аполлонович Скальковский, сын знаменитого одесского историка, иронизировал по этому поводу: "Недалеко от нашей гимназии находился дом графа Ланжерона, у ворот которого стояли две французские пушки, пожалованные Александром I. В доме доживала престарелая вдова графа, русская по происхождению, Пущина. Она пила мертвую чашу и, написавшись, иногда садилась на одну из пушек и кричала благим матом". Елисавета Адольфовна Бриммер, конечно, не была русской, но пила вполне по-русски, а путаница вышла из-за того, что ее родная сестра Генриетта в замужестве носила фамилию Пущина и жила

вблизи. Имитированные орудия и по сию пору встречаются у старых одесских подворотен, а служили они не только для декоративных, но и для вполне утилитарных целей: чтобы въезжающий во двор гужевого транспорт не разбивал ворота.

Хорошо, но кому эта пушка принадлежала, как оказалась на месте находки, что стоит за церемонией ее установки на данном участке? Честно говоря, поначалу мной овладел вопрос: а не одна ли эта из похищенных в прежние времена "полуценных пушек"? Это соображение подкрепляется, во-первых, тем соображением, что по своим габаритам она вполне могла использоваться как сигнальная. Во-вторых, территория, лежавшая за старым ботаническим садом, между будущими Французским бульваром, Аркадией и Малофонтанской дорогой, с давних пор служила местом, где мазурики, скажем, "растырбанивали слам" (делили добычу), потрошили уворованные несгораемые шкафы, кассы и т. п. — в старой периодике имеется на то великое множество указаний. Впрочем, во всех первоисточниках говорится о том, что бульварная сигнальная пушка была медной (вероятно, все-таки бронзовой), и этот аргумент не в пользу данной версии.

Тогда я пошел другим путем, а именно изучил давние планы этой местности и вынес их на современную топографическую основу. И вот что оказалось. Первый участок по дороге от площади 10 Апреля в направлении Дворца спорта, по сути, весь позапрошлый век принадлежал купеческому семейству Маразли — сперва Григорию Ивановичу, а затем его знаменитому сыну, Григорию Григорьевичу. Протяженностью этого участка вдоль улицы составляет примерно 215 метров, порядка 100 сажень. Следующими за ним участками владели другие крупные греческие негодянты — Родоканаки, Папудовы, Маврокордато. Так вот, пушечку нашу отыскали на границе владений Маразли и Родоканаки, что, как мне представляется, многое поясняет.

Все перечисленные особы активно занимались хлебным экспортом еще в первые десятилетия позапрошлого столетия. В связи с этим они занимались регулярными морскими перевозками. Возможно, кого-то сегодня поразит тот факт, что тогда повсюду процветал морской разбой, а в периоды военных действий и каперство. Известно, например, что во время военных действий негодянты даже испрашивали у Ришелье патентов на крейсерство, чтобы вредить французам. А потому на большинстве торговых судов имелись пушки, причем, как правило, по несколько штук. Разумеется, на каких-нибудь легких коммерческих бригах эти орудия не могли быть большими, однако и они оказывались довольно эффективными в сражениях с такими же малотоннажными пиратскими судами.

Подобные столкновения были отнюдь не редкими даже во времена Воронцова, не говоря уже о более отдаленных. В одной из своих книжек я рассказывал о нападении средиземноморских пиратов на караван российских судов в сентябре 1827 года вблизи острова Хиос. Поначалу корсарами удалось даже захватить одно из судов, но затем оно было отбито с помощью пушек, причем палили сначала картечью, а затем ядрами. Шкипер "Графини Воронцовой", опытный морской волк Иосиф Силич, отогнал пиратскую бригагину, за что по представлению Воронцова получил медаль "За усердие" на Владимирской ленте.

Как было сказано, суда, обслуживавшие Маразли, Родоканаки, Папудова и других хлеботорговцев, были снабжены именно такими орудиями, каковое и обнаружилось в котловане. Что может означать установка на дачном участке отслужившей свой срок пушки, сопровождавшаяся распитием дорогого вина? Вероятно, это либо память о списанном судне, обогатившем своего хозяина, либо о конкретной морской виктории. Не исключено, что это некий фетиш, семейная реликвия, знак, установленный Г.Г. Маразли в память об отце (1770-1853), составившем состояние как раз морской коммерцией. Как знать, возможно, эта пушка когда-то спасла им жизнь или же входила в оснащение первого принадлежавшего семейству судна. Эта же версия один к одному проецируется на отца и сына Родоканаки — Федора и Перикла. Понимаю, что всё это вещи чисто умозрительные, однако, согласитесь, весьма вероятные.

А что же будет с этой мемориальной пушкой? — спросит читатель. Сохранится ли она? Будет ли выставлена для всеобщего обозрения? К счастью, этой пушечке сильно повезло. Доброе дело восстановления и реставрации, вплоть до лафета, взяло на себя семейство известных одесских архитекторов Повстанюков. Приведенная в полный боевой порядок, пушка будет общедоступно экспонироваться, так что всякий желающий одессит сможет в прямом и переносном смысле прикоснуться к истории города. Впрочем, и надзор за этой реликвией тоже будет надлежать, дабы не повторились казусные истории 150-летней давности, подобные похищению бульварной полуценной пушки.

А как же пушки, много лет прослужившие причальными тумбами в Военной гавани? Какова их судьба? В самое последнее время устроена и она. Благодаря подвижничеству директора парка имени Т.Г. Шевченко, создателя Сада скульптур при Литературном музее Леонид Липтуги, старинные орудия эти будут тоже отреставрированы и выставлены у стены старого портового карантин, на территории, некогда занимавшейся Одесской крепостью, что, конечно, символично.